
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ЭТИЧЕСКИЙ И ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС ПЛОДОИЗГНАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Е.Н. Гнатик¹, Е.А. Сокова²

¹ Кафедра онтологии и теории познания

² Магистратура Юридического института
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена обсуждению эτικο-правовых проблем искусственного прерывания беременности. Этот «вечный» вопрос сохраняет свою актуальность: в 2015 г. в Государственную думу был внесен законопроект о запрете абортов в РФ. В работе рассматриваются исторические аспекты отношения российского законодательства к проблеме плодoизгнания. Аборт как медицинская операция долгое время не значился в официальном перечне деятельности как европейского, так и российского врача. Рассмотрение соответствующих актов уголовного законодательства демонстрирует, что в царской России в различных объемах присутствовала отдельная регламентация ответственности за посягательства, связанные с плодoизгнанием. Отмечается, что нынешняя ситуация в отечественном законодательстве — прямое следствие событий, произошедших после Октябрьской революции 1917 г., когда Россия стала государством, впервые в мировой практике полностью легализовавшим аборты. Проектом закона «О внесении изменений в статью 56 Федерального закона “Об основах охраны здоровья граждан”» предусматривается вывести аборты из перечня медицинских услуг. Операции по искусственному прерыванию беременности должны быть исключены из системы обязательного медицинского страхования. Бесплатными предполагается оставить только аборты по медицинским показаниям — в случае угрозы жизни и здоровью матери. В статье отмечается, что на протяжении XX столетия проблема искусственного прерывания зародившейся жизни постепенно теряла моральный и гуманитарный аспекты, и ныне значительной частью россиян воспринимается как сугубо медицинская проблема. Авторы поддерживают новый законопроект, жестко ограничивающий производство абортов, полагая, что плод с самого момента объективного установления его существования методами современной медицины должен считаться личностью, обладающей всеми соответствующими правами, в том числе и правом на жизнь. Законодательный запрет — шаг на пути прекращения распространения либеральной идеологии, отрицающей личностный статус плода и подрывающей нравственные устои общества в отношении убийства.

Ключевые слова: искусственное прерывание беременности, законопроект о запрете абортов в РФ, право на жизнь, юридический статус плодoизгнания, либеральная идеология, уголовная ответственность.

Проблема общественного отношения к абортам на протяжении долгого времени является поводом для жарких споров. В XX столетии, находясь в фо-

кусе этических и правовых дискуссий, вопрос об искусственном прерывании беременности приобрел статус глобальной проблемы. Несомненно, ситуации отличаются одна от другой в зависимости от социальной и религиозной среды. Полярные позиции «в пользу свободы выбора» и «в пользу жизни» — вот квинтэссенция радикальных морально-этических разногласий в плане отношения к человеческой жизни до момента рождения. Либеральная идеология общества плюрализма допускает широкий спектр позиций и отношений. Как известно, именно эта идеология лежит в основе формирования законодательства, легализующего аборт [8. С. 65].

В нашей стране в год проводится около миллиона операций по прерыванию беременности. Ничего удивительного в этом нет, поскольку в настоящее время в России аборт на ранних сроках (до 12 недель) входит в спектр медицинских услуг по полису обязательного медицинского страхования, а главное — не требует особых причин: достаточно лишь желания женщины.

Нынешняя ситуация в отечественном законодательстве — прямое следствие событий, произошедших в нашей стране 100 лет назад, вскоре после Октябрьской революции 1917 г. Тогда Россия стала государством, где впервые в мировой практике аборт был полностью легализован. По данным Министерства здравоохранения Российской Федерации, расходы государства на проведение абортов за счет региональных отделений фонда обязательного медицинского страхования (ФОМС) составляют порядка 5 млрд руб. в год. При этом только 3% от общего числа — аборт по медицинским и социальным показаниям, то есть их проведение необходимо в целях сохранения жизни или здоровья женщины [3].

Следует подчеркнуть, что в настоящее время финансирование за счет государственного бюджета «по желанию» практикуется в немногих странах — в Канаде, Дании, Нидерландах, Швеции и некоторых других. В большинстве же государств одного желания для прерывания беременности недостаточно — необходимы веские причины (медицинские показания, беременность по причине изнасилования или инцеста и пр.).

Христианская мораль категорически отвергает аборт. А потому ранее в России, как и во всей Европе, плодозгнание считалось преступлением против жизни, против семьи и общественной нравственности. Такое отношение к зарождающейся жизни было закреплено в постановлении Шестого Константинопольского Собора 692 г. В Каноне 91 этого документа однозначно утверждается: «Жен, дающих врачевства, производящих недоношения плода во чреве, и приемлющих отравы, плод умерщвляя, подвергаем епитимии человекоубийцы. ... Убийцы суть, детогубная зелья дающие. И дающие и приемлющие детогубная зелья, убийцы суть... Разбойническому запрещению повинны суть таковые жены, яже возьмут отравления, да уморят младенцы суцья во чреве их: и дающие им таковая, туюжде казнь приемлют... Правило одинаково наказывает епитимиею убийц тех женщин, которые дают истребительные зелья для умерщвления зачатого плода и тех, которые принимают их. И правило... говорит буквально следующее: “закону о человекоубийцах подлежит тот, кто убивает человека”» [2].

Таким образом, аборт как медицинская операция долгое время не значился в официальном перечне деятельности как европейского, так и российского врача. Нарушение этого запрета сурово каралось, поскольку законодательства государств того времени были сформированы на основе морально-религиозных установок.

Безусловно, несмотря на христианскую мораль и законы, без нарушений не обходилось. В европейской истории обнаруживаются факты освобождения от нежеланной беременности. Однако нельзя не отметить, что вместе с тем осуществлялись и весьма серьезные шаги, направленные на противодействие этому. Так, «контроль церкви и государства до XIX века был достаточным, чтобы свести возникающие поведенческие изменения до уровня сугубо локальных явлений» [5. С. 265].

Сложно переоценить роль христианской церкви, которая в течение веков ревностно и безжалостно подавляла всякие попытки ограничить рождаемость, даже если дети были нежеланными. Исследователи Э. Ван де Ваале и Дж. Нодел отметили, что «невероятное неистовство в “охоте на ведьм” в период с конца XV и до XVIII в. показывает, насколько глубоким был конфликт между стремлением к индивидуальной свободе и социальным контролем в области репродуктивного поведения, поскольку эта охота велась главным образом за женщинами, и прежде всего за повитухами. “У католической церкви нет врага более опасного, чем повитухи”, — провозглашал церковный манифест, с которого в 1487 г. в Европе началась “охота на ведьм”. Злодеянием, которое стремились пресечь, и были именно действия, рассчитанные на предотвращение зачатия и деторождения. Из-за неполноты источников мы не знаем, сколько было казнено “ведьм”. По подсчетам исследователей, было сожжено на кострах, утоплено, забито камнями или погребено заживо от 200 тыс. до 10 млн человек. Поскольку казнь “ведьмы” обычно совершалась публично, привлекая огромные толпы людей, 300 лет непрекращающихся преследований были достаточно долгим периодом для того, чтобы люди усвоили: естественная плодовитость не может быть объектом каких бы то ни было манипуляций» [14].

Еще в XIX в. убийство нерожденного ребенка («изгнание плода») в Российской империи приравнивалось к смертоубийству на законодательном уровне: Уложением о наказаниях уголовных и исправительных (Том XV Свода законов Российской империи, издание 1885 г.) [7] (далее — Уложение о наказаниях 1885 г.). Так, в ст. 1462 раздела X главы I этого документа говорится: «Сама беременная женщина, которая по собственному произволу или по согласию с другим умышленно произведет изгнание плода своего, подвергается: лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и заключению в тюрьме на время от четырех до пяти лет» [7].

Для иных лиц той же статьей предусматривалось более жесткое наказание: «Кто, с ведома и по согласию самой беременной женщины, умышленно, каким бы то ни было средством, произведет изгнание плода ея, тот за сие подвергается: лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения на время от пяти до шести лет».

Статья 1463 Уложения о наказаниях 1885 г. гласит об установлении еще более суровых санкций для медицинских работников: «Наказания... возвышаются одною степенью, если в употреблении средств для изгнания плода беременной женщины изобличены врач, акушер, повивальная бабка или аптекарь» [7].

Также стоит отметить, что рассматриваемый законодательный акт накладывал особые обязанности на повивальных бабок и предусматривал санкции за их неисполнение (ст. 879): «Повивальная бабка, которая в случае, если кто либо будет просить ее о произведении преждевременного разрешения от беременности, не донесет о том немедленно надлежащему начальству, подвергается за сие: заключению в тюрьме на время от двух до четырех месяцев» [7].

В Уголовном Уложении 1903 г. санкции для женщины уже несколько смягчены: в ст. 465 главы 22 «О лишении жизни» указывается, что «мать, виновная в умерщвлении своего плода, наказывается заключением в исправительном доме на срок не свыше 3 лет» [10. С. 198]. Статья 466 данного документа предусматривала виды наказания за совершение означенного деяния другим лицом: «Виновный в умерщвлении плода беременной наказывается: заключением в исправительном доме» [10. С. 198]. В этой же статье отдельно регламентировалась ответственность врача или повивальной бабки: «суду предоставляется воспретить виновному практику на срок от одного года до пяти лет и опубликовать приговор» [10]. Умерщвление плода без согласия женщины наказывалось каторгой на срок до 8 лет.

Таким образом, рассмотрение соответствующих актов уголовного законодательства демонстрирует, что в царской России в различных объемах присутствовала отдельная регламентация ответственности за посягательства, связанные с плодизгнанием.

Однако в начале XX в. хоть и медленно, с большим трудом, но медицинский аборт, тем не менее, приживался в нашей стране.

Данная тенденция не могла быть проигнорирована врачебным сообществом. Весьма серьезная ситуация сложилась в 1913 г. на XII Пироговском съезде. В принятой там резолюции утверждалось: «1. Уголовное преследование матери за искусственный выкидыш никогда не должно иметь места. 2. Также должны быть освобождены от уголовной ответственности врачи, производящие искусственный выкидыш по просьбе и настоянию» [9. С. 1012].

При этом нельзя не отметить важную деталь: большинство участников конгресса сошлись во мнении относительно аморальности аборт, их этической недопустимости. Помимо того, известно, что на съезде врачи нелицеприятно и даже презрительно называли некоторых своих коллег «выкидышных дел мастерами». Но, как бы там ни было, первая брешь была пробита: аборт перестал восприниматься отечественным врачебным сообществом как уголовно наказуемое деяние. Таким образом, сто лет назад была сформулирована идеология, согласно которой убийство плода в утробе матери перестало считаться злом, за совершение которого должна последовать суровая кара.

К середине прошлого века законодательства многих государств мира легализовали аборты. В сложившейся ситуации Всемирная Медицинская Ассоциация

ция приняла специальную Декларацию «О медицинских абортах» (1983), где указывается, что «определение отношения к этому вопросу и правил его решения в данном государстве или общине лежит вне компетенции медицины; врачи должны лишь обеспечить защиту своим пациентам и отстаивать собственные права в обществе» [1. С. 23].

Как уже отмечалось, наша страна стала первой, законодательно закрепившей освобождение матерей и врачей от уголовной ответственности за прерывание беременности. После прихода к власти большевиков в 1917 г. Россия была модернизирована столь кардинально, что было бы странно предположить, чтобы от внимания революционеров, стремящихся строить свой новый безбожный мир, ускользнул столь важный смысложизненный вопрос — отношение к зарождающейся жизни.

Логическим завершением дискуссии, начатой еще в дореволюционной России, стало Постановление Народного комиссариата здравоохранения РСФСР и Народного комиссариата юстиции РСФСР от 18.11.1920 «Об охране здоровья женщин», где в п. I однозначно постулировалось: «Допускается бесплатное производство операции по искусственному прерыванию беременности в обстановке советских больниц». Таким образом, если в соответствии с христианской лексикой (а соответственно, и установкой сознания) аборт — это спланированное сознательное убийство плода в утробе матери, то на языке закона Советского государства аборт — это всего лишь искусственное прерывание беременности. Пункт II этого документа накладывал абсолютный запрет производства этой операции «кому бы то ни было, кроме врача». Согласно п. III «виновные в производстве этой операции акушерка или бабка лишаются права практики и предаются Народному Суду». Кроме того, Постановлением закреплялось, что «врач, произведший операцию плодоизгнания в порядке частной практики с корыстной целью, также предается суду» (п. IV).

Рабоче-крестьянское правительство в данном документе констатировало, что «путем укрепления социалистического строя и агитации против абортосредств среди масс трудящегося женского населения, оно борется с этим злом и, широко осуществляя принципы Охраны Материнства и Младенчества, предвидит постепенное исчезновение этого явления». Это оказалось очередной иллюзией. Будучи легализованным, явление никуда не исчезло и по сей день.

В 1936 г. демографическая ситуация в стране стала вызывать большую тревогу. Последствия голода, коллективизации, индустриализации, массовых расстрелов и т.п. продиктовали необходимость повышения рождаемости. В этой связи на законодательном уровне был разработан целый комплекс мер, закрепленный Постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР № 65 и Совета Народных Комиссаров СССР № 1134 от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортосредств, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах».

По-видимому, запрет аборта явился частью общей антимодернистской реакции 1930-х гг. Наряду с этим была предпринята попытка стимулирования рождаемости: увеличен размер социальных пособий, отменены некоторые ограничения по предоставлению отпусков по беременности и родам, установлена уголовная ответственность за отказ в приеме на работу женщин по мотивам беременности, снижение им заработной платы и пр. Таким образом, в течение довольно короткого отрезка истории нашей страны (с 1936 по 1955 г.) аборт ходились под запретом.

В 1955 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения абортов». В данном документе отказ от запрещения абортов в законодательном порядке мотивировался тем, что «проводимые Советским государством мероприятия по поощрению материнства и охране детства и непрерывный рост сознательности и культурности женщин, активно участвующих во всех областях народнохозяйственной жизни страны», это позволяют.

Этим юридическим актом были вновь легализованы операции искусственного прерывания беременности, при условии проведения их исключительно в больницах и других лечебных учреждениях. Несмотря на разрешение этой операции в медицинских учреждениях, проводилось большое число нелегальных, внебольничных абортов и, как следствие, существовал высокий уровень материнской смертности.

В целом в советский период большинство населения страны проявляло толерантность по отношению к аборту, воспринимало его как рутинную медицинскую процедуру, и не более. Как отмечала Л.И. Ременник, это определенным образом отразило «моральную эрозию и разрушение религиозного сознания» на протяжении послереволюционной истории страны [13]. С 1955 г. и поныне операции по прерыванию беременности проводятся в соответствии с законом абсолютно правомерно. Проблема искусственного прерывания зародившейся жизни потеряла моральный и гуманитарный аспекты, и стала считаться «сугубо медицинской», представляться всего лишь как особый тип хирургической операции. Таким образом, в условиях отсутствия законодательного запрета случаи правомерного производства абортов на поздних сроках беременности устанавливаются отдельными законодательными актами.

В 1987 г. производство абортов в период до 28 недель беременности по немедицинским показаниям было регламентировано Приказом Министерства здравоохранения СССР от 31 декабря 1987 г. № 1342 «Об утверждении инструкции о порядке разрешения операции искусственного прерывания беременности по немедицинским показаниям». Такими основаниями могли быть: «смерть мужа во время беременности; пребывание женщины или ее мужа в местах лишения свободы; лишение прав материнства; многодетность (число детей свыше 5); развод во время беременности; беременность после изнасилования; инвалидность у ребенка» [11].

После распада СССР производство абортов регламентируется так называемым Перечнем социальных показаний, устанавливаемым Правительством Российской Федерации.

Хотелось бы отметить, что анализ внесенных за последние 20 лет изменений в Перечень демонстрирует постепенное сокращение количества показаний для аборта. Так, согласно Приказу Минздрава от 11 июня 1996 г. № 242 «О перечне социальных показаний и утверждении инструкций по искусственному прерыванию беременности» список причин был весьма обширен. В частности, аборт на поздних сроках разрешался тем, чей муж оказался в СИЗО или колонии, при разводе, при наличии в семье ребенка-инвалида или в случае, если беременная уже является многодетной матерью. Кроме того, уважительными причинами для прерывания беременности на поздних сроках признавался доход менее прожиточного минимума, а также отсутствие жилья и работы [12].

В 2003 г. перечень был пересмотрен и значительно сокращен. В Перечень социальных показаний, утвержденный Постановлением Правительства РФ от 11 августа 2003 г. № 485, входило изнасилование, лишение или ограничение родительских прав, пребывание женщины в местах лишения свободы, а также наличие у ее мужа инвалидности I–II группы либо смерть супруга во время беременности.

В настоящее время согласно п. 1, 2 ст. 56 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в России женщины имеют право самостоятельно принимать решение об аборте при сроке беременности до 12 недель. Согласно п. 4. ст. 56 «искусственное прерывание беременности по социальным показаниям проводится при сроке беременности до двадцати двух недель, а при наличии медицинских показаний — независимо от срока беременности».

В 2012 г. перечень социальных показаний для аборта был вновь сокращен (Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2012 г. № 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности»). В документе значится следующее: «установить, что социальным показанием для искусственного прерывания беременности является беременность, наступившая в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 131 Уголовного кодекса Российской Федерации», то есть делать аборт на поздних сроках (от 12 до 22 недель) сегодня могут только те, кто забеременел в результате изнасилования.

Есть основания полагать, что законодательная ситуация и дальше будет меняться в этом направлении. В апреле 2015 г. в российский парламент депутатом Госдумы Е. Мизулиной, возглавлявшей на тот момент думский комитет по вопросам семьи, женщин и детей, был внесен законопроект, фактически запрещающий аборт. Проект был разработан при самом активном участии Русской православной церкви, которая в течение многих лет последовательно и непреклонно отстаивает свою позицию. В 2000 г. Церковно-общественным советом по биомедицинской этике при Московском патриархате было принято Заявление «О грехе детоубийства», где прямо говорится, что «утверждая неограниченное право каждой женщины на совершение аборта, ныне действующее Российское законодательство являет собой пример превратного понимания и использования свободы. Никакая свобода не дает право матери и врачу лишать священного дара жизни тех, кто не может противостоять произволу и насилию» [6. С. 119].

Проектом закона «О внесении изменений в статью 56 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан»» предусматривается вывести аборт из перечня медицинских услуг. Операции по искусственному прерыванию беременности должны быть исключены из системы обязательного медицинского страхования. Бесплатными предполагается оставить только аборт по медицинским показаниям — в случае угрозы жизни и здоровью матери.

Критерии разрешенных причин для абортов, разработанные отечественной медициной, перечислены в приказе Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 03.12.2007 № 736 «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности».

Согласно законопроекту «аборт должен проводиться исключительно в медицинских организациях государственной системы здравоохранения. За проведение искусственного прерывания беременности вне государственного медицинского учреждения, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, предусмотрены административные штрафы: для граждан — в размере от 150 до 200 тысяч рублей; для должностных лиц — от 500 до 800 тысяч рублей; для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, — от 500 до 800 тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток; для юридических лиц — от 500 тысяч до 2 млн 500 тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до 90 суток» [3].

Депутатами Е. Мизулиной, О. Епифановой и др. были подготовлены еще два законопроекта в сфере профилактики абортов. Один из них — «Законопроект о запрете розничной продажи лекарственных средств, предназначенных для искусственного прерывания беременности». Согласно комментарию Е. Мизулиной, «данная инициатива ограничивает оборот лекарственных средств для искусственного прерывания беременности. Сейчас мы фиксируем пугающую тенденцию роста медикаментозных абортов. Последствия таких процедур досконально до сих пор не изучены. Такие препараты совершенно точно не должны быть в свободной продаже: только в медицинских учреждениях государственного здравоохранения и по предписанию врача!» [3].

Вторая инициатива этой депутатской группы — «Законопроект, предусматривающий визуализацию и прослушивание сердцебиения плода перед принятием решения об аборте». По мнению Мизулиной, «исследования показывают, что около 80% отказываются от аборта, увидев ребенка на мониторе УЗИ. Опыт тех стран, где введена визуализация прослушивания сердцебиения ребенка, находящегося в матке, свидетельствует о том, что эта мера способна повлиять на решение будущей матери избавиться от ребенка» [3].

На наш взгляд, принятие этих законов будет способствовать переформатированию ситуации в стране в плане отношения к абортам. Это может стать шагом на пути повышения нравственности общества. Во избежание продолжения процессов негативной ценностной трансформации в обществе, отражающейся в том числе на институте семьи, необходимо сохранить в сознании людей психологический барьер против убийства.

Авторы данной статьи дают себе отчет в серьезности высказываемых оппонентами доводов против законодательного запрещения аборт. Основной аргумент заключается в том, что метод репрессий в этой области абсолютно не достигает цели. Речь идет и о росте потенциальных криминальных аборт, калечащих или убивающих женщину; и о неготовности молодых забеременевших стать матерями, а значит — об увеличении количества несчастных, брошенных детей; и об ограничении свободы выбора; вторжении в область внутрисемейного регулирования рождаемости и т.д. и т.п.

Однако необходимо четко осознавать, что этическая аргументация убийства не рожденного еще человека пробивает такую брешь в принципе гуманизма, которая равносильна его отрицанию. Авторы полностью разделяют точку зрения доктора медицинских наук, профессора А.П. Зильбера, согласно которой «плод... конечно же, имеет права, которые, к сожалению, до сих пор не оговорены законодательством и поэтому почти никем и никогда не учитываются. Он имеет эти права потому, что уже после первых делений оплодотворенной яйцеклетки, происходящих еще в фаллопиевой трубе до 8–16-клеточного состояния, эмбрион уже имеет генетический код, отличный и от материнского, и от отцовского, и, следовательно, является биологически чужеродным организмом. Когда через несколько делений в эмбрионе образуется энто — и эктодермальный слой, клетками которого он внедряется в слизистую матки, укрепляются не только положение плода в утробе матери. Но и его права как личности» [4. С. 461].

С нашей точки зрения, дальнейшее распространение либеральной идеологии относительно отрицания личностного статуса плода в утробе матери будет продолжать подрывать нравственные устои общества в отношении убийства. Плод с самого момента объективного установления его существования методами современной медицины должен считаться личностью, обладающей всеми соответствующими правами. Принятие нового закона, жестко ограничивающего производство аборт, на наш взгляд, должно способствовать решению обозначенных нашим государством демографических целей и задач. Но главное — это может стать серьезным шагом вперед на пути создания правовой защиты жизни на пренатальном этапе. Государство должно признавать и защищать право на жизнь не с момента рождения, а с момента зачатия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Врачебные ассоциации, медицинская этика и общемедицинские проблемы // Сборник официальных документов. — М., 1995.
- [2] Все правила о шестом вселенском соборе. Приветственное слово святых отцов к благочестивейшему императору Юстиниану. URL: http://www.agioskanon.ru/vsobor/006_r91.htm.
- [3] Депутаты предлагают вывести аборт из системы ОМС и проводить их только в государственных учреждениях здравоохранения. URL: <http://elenamizulina.ru/bez-rubriki/deputaty-predlagayut-vyvesti-aborty-iz-sistemy-oms-i-provodit-ix-tolko-v-gosudarstvennyx-uchrezhdeniyax-zdravooxraneniya.html>.
- [4] *Зильбер А.П.* Этюды медицинского права и этики. — М.: МЕДпресс-информ, 2008.

- [5] Кууси П. Этот человеческий мир. — М., 1988.
- [6] Православие и проблемы биоэтики. — Вып. 1 (1998–1999). — М., 2001.
- [7] Свод Законов Российской Империи. — Т. XV // СПС «КонсультантПлюс».
- [8] Силуянова И.В. Руководство по этико-правовым основам медицинской деятельности: Учебн. пособие. — М.: МЕДпресс-информ, 2008.
- [9] Стенограмма XII Пироговского съезда // Русский врач. — 1913. — № 28.
- [10] Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22-го марта 1903 г. — СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1903.
- [11] Приказ Минздрава СССР от 31.12.1987 № 1342 «Об утверждении инструкции о порядке разрешения операции искусственного прерывания беременности по немедицинским показаниям». URL: <http://www.lawmix.ru/med/17855>.
- [12] Приказ Минздравмедпрома РФ от 11.06.1996 № 242 «О перечне социальных показаний и утверждении инструкций по искусственному прерыванию беременности». URL: <http://www.lawmix.ru/med/16233>.
- [13] Remennick L.I. Epidemiology and Determinants of Induced Abortion in the U.S.S.R. // Social Sci. Med. — 1991. — Vol.33. — No. 7. — P. 841–848.
- [14] Walle E., Knodel J. Europe's fertility transition: new evidence and lessons for today's developing world // Population Bulletin. — 1980. — Vol. 34. — No 6. — P. 3–43.

ETHICAL AND LEGAL STATUS OF ABORTION: HISTORY AND CURRENT STATE OF A PROBLEM

E.N. Gnatik¹, E.A. Sokova²

¹ The Department of Ontology and Epistemology

² The Magistrate of Law Institute

People's Friendship University of Russia

6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

This article is devoted to discussion of ethic and legal problems of an artificial abortion. This «eternal» question keeps the relevance. In 2015 the bill of a ban of abortions was introduced in the State Duma of the Russian Federation. Historical aspects of the relation of the Russian legislation to a problem of abortions are considered in the article. It becomes perceptible that a present situation in the domestic legislation — a direct consequence of the events which occurred after October revolution of 1917 when Russia became the state for the first time in world practice completely legalized abortions. Throughout the XX century the problem of artificial abortion gradually lost moral and humanitarian aspects, and today most of Russians perceives abortion as especially medical problem. Authors support the new bill which is rigidly limiting production of abortions, believing that the fetus since the moment of objective establishment of its existence by methods of modern medicine has to be considered as the person having all corresponding rights including the right for life. A legislative ban is a step on the way of the termination of distribution of the liberal ideology denying the personal status of a fetus and undermining moral principles of society concerning murder.

Key words: artificial abortion, bill of a ban of abortions to the Russian Federation, right for life, legal status of abortion, liberal ideology, criminal liability.

REFERENCES

- [1] Vrachebnye associacii, medicinskaja jetika i obshhemedicinskie problemy [Medical associations, medical ethics and medical problems] // Sbornik oficial'nyh dokumentov [Collection of official documents]. — М., 1995.

- [2] Vse pravila o shestom vselenskom sobore. Privetstvennoe slovo svjatyh otcov k blagochestivejšemu imperatoru Justinianu [All the rules of the Sixth Ecumenical Council. Welcome Speech of the Holy Fathers to the Pious Emperor Justinian]. Available at: http://www.agioskanon.ru/vsobor/006_r91.htm.
- [3] Deputaty predlagajut vyvesti aborty iz sistemy OMS i provodit' ih tol'ko v gosudarstvennyh uchrezhdenijah zdravooxranenija [MPs propose to bring abortion of the MMI system and carry them only in public health institutions]. Available at: <http://elenamizulina.ru/bez-rubriki/deputaty-predlagajut-vyvesti-aborty-iz-sistemy-oms-i-provodit-ix-tolko-v-gosudarstvennyx-uchrezhdeniyax-zdravooxraneniya.html>.
- [4] *Zil'ber A.P.* Jetjudy medicinskogo prava i jetiki [Studies of medical law and ethics]. — M.: MEDpress-inform, 2008.
- [5] *Kuusi P.* Jetot chelovecheskij mir [This human world]. — M., 1988.
- [6] Pravoslavie i problemy biojetiki [Christianity and bioethics]. — Vyp. 1 (1998–1999). — M., 2001.
- [7] Svod Zakonov Rossijskoj Imperii [Code of Laws of the Russian Empire]. — T. XV // SPS «Konsul'tantPljus».
- [8] *Silujanova I.V.* Rukovodstvo po jetiko-pravovym osnovam medicinskoj dejatel'nosti: ucheb. posobie [Guidelines for ethical and legal foundations of medical activities: Training allowance]. — M.: MEDpress-inform, 2008.
- [9] Stenogramma XII Pirogovskogo s'ezda [Transcript of the XII Congress of the Pirogov] // Russkij vrach [Russian doctor]. — 1913. — № 28.
- [10] Novoe ugovnoe ulozhenie, vysochajshe utverzhdennoe 22-go marta 1903 g. [The new criminal code, the highest approved 22th March 1903]. — SPb.: Tip. M-va vnutr. del, 1903.
- [11] Prikaz Minzdrava SSSR ot 31.12.1987 № 1342 «Ob utverzhenii instrukcii o porjadke razreshenija operacii iskusstvennogo preryvanija beremennosti po nemedicinskim pokazanijam» [Order of the Ministry of Health of 31.12.1987 № 1342 «On approval of the instructions on the Settlement of transactions abortion for non-medical»]. Available at: <http://www.lawmix.ru/med/17855>.
- [12] Prikaz Minzdravmedproma RF ot 11.06.1996 № 242 «O perechne social'nyh pokazanij i utverzhenii instrukcij po iskusstvennomu preryvaniju beremennosti» [Order of the Health Ministry of the Russian Federation of 11.06.1996 № 242 «On the list of social indications and approval of instructions on abortion»]. Available at: <http://www.lawmix.ru/med/16233>.
- [13] *Remennick L.I.* Epidemiology and Determinants of Induced Abortion in the U.S.S.R. // Social Sci. Med. — 1991. — Vol. 33. — No. 7. — P. 841–848.
- [14] *Walle E., Knodel J.* Europe's fertility transition: new evidence and lessons for today's developing world // Population Bulletin. — 1980. — Vol. 34. — № 6.